

К 175-летию со дня рождения великого русского писателя Н. В. Гоголя

ТАЙНА ДАВНО ИЗВЕСТНОГО

В ЭТОМ СТОЛЕТИИ более не будет юбилея Николая Васильевича Гоголя: двухсотлетие со дня его рождения наступит уже в XXI веке — в 2009 году! Как ни славно, как ни знаменито это великое имя в истории нашей культуры, думается, его подлинный, полный триумф еще предстоит пережить. Это будет новое открытие и торжество гоголевского гения — сокровища национальной и общечеловеческой духовности. О Гоголе еще при жизни были написаны великие слова, он открыт для нас его современниками — А. С. Пушкиным и В. Г. Белинским. С нем писали и пишут много и разноречиво. Его присваивали себе и славнофилы, и богоискатели, и фрейдисты, его трактовали и перетрактовывали. Великая тайна Гоголя — его «смеха» и «слез», его взлета и падения, его одиночества и самораспятия — остается все-таки тайной, ждет своего ответа и осмысления.

Наш век против слова «тайна» немедленно ставит слово «гипотеза». Это делает любую тайну как бы временной и потому не ущемляющей наше ученое самолюбие. Прагматизм нашего сознания находит в этом свое равновесие, и тайна перестает пугать наше воображение, которое тяготеет к тотальному расчету как к покою. Наша самонадеянность, основанная на небывалых достижениях человеческого разума в области материальных наук и открытий, сегодня автоматически распространяется на все: на загадку и чудо человеческой души, на мир эмоций и чувств, на тайну стихии нашего сознания, на проблемы счастья, таланта, индивидуальности, личности — все то, в чем человечество сегодня не имеет таких очевидных успехов, как в науке и технике. Может быть, взрыв материальной культуры даже как-то задержал духовный рост человеческого сознания. Сама огромность человеческих поселений, концентрированность нашей жизни требует от нас все больше организованности, регламентации, соблюдения правил, выработанных временем. Наша неразрывная связь с миром машин влияет на наш внутренний мир. Мы постоянно испытываем наступление материального мира, иногда даже уступаем ему свои человеческие достоинства, а он, напротив, обретает черты живой жизни. Города хорошеют и цветут, как красны девицы, финансы капризничают, и их приходится то иде-

ло оздоравливать, как городских детей, страдающих малокровием, международная напряженность то и дело обостряется, будто хронический аппендицит, а понятия «поколений» уже переходят от людей к электронно-счетным машинам и ракетам с ядерными боеголовками. Только угроза ядерной катастрофы поставила сегодня мир перед необходимостью рождения планетарного сознания, планетарной морали и нравственности, которые могут родиться только на основе усилий всей духовной жизни. Здесь глубина понимания гуманизма поднимается по новой спирали развития до тех идеалов человеческого сознания, которые утверждали создатели марксизма-ленинизма. Тут важны уже не только герои и мученики Знания, такие, как Прометей, Коперник или Галилей, тут встают в новом освещении фигуры героев и мучеников духа — Гоголь, Достоевский, Толстой, Горький, Шолохов, Леонов.

Юбилейные даты заставляют говорить высоким слогом, призывают к торжественности и одам. Однако в гоголевском имени для меня всегда было что-то интимное, сугубо личное, чуть ли не материнское. Так случилось, что мой личный творческий путь все время пересекался с магистральями гоголевских образов и произведений.

Я играл Гоголя в детстве, потом студентом, в театре и, наконец, в кино. Играл в разное время в «Ревизоре» и Мишку, и Вобчинского, и Добчинского, и даже Хлестакова, Пролетова в «Тягбе», читал с эстрады гоголевские произведения и письма. И так счастливо сложились обстоятельства жизни в кино, что мне пришлось пройти на экране двадцатилетний путь от гоголевского Акакия Акакиевича в «Шинели», поставленной Алексеем Баталовым на «Ленфильме» в пятидесятые годы, до гоголевского «Носа», поставленного мною в семидесятые на телевидении, где я сыграл и майора Ковалева, и цирюльника Ивана Яковлевича, и случайного возницу, и даже самого Носа майора, чудесным образом отделившегося от его лица.

В ТЕЧЕНИЕ двадцати лет я все время работал над замыслом постановки «Ревизора», который мне так и не удалось осуществить, над сценариями «Портрета» и «Записок сумасшедшего», вживаясь в образ несчастного Попри-

цина и мечтая о постановке всех «Петербургских повестей». Моя «Гоголиада», может быть, никогда не будет целиком воплощена, но она стержнем прошла через всю мою жизнь, организовала вокруг себя творческий опыт, указывала путь, раскрывала перспективу. В результате для меня, профессионального кинематографиста, полностью раскрылось главенствующее положение литературы в мире искусств. И не только оттого, что «вначале было слово», а и потому, что литература и по сей день питает развитие кинематографа, расширяет его возможности — особенно там, где она ставит перед ним новые, еще не решенные в кино, неожиданные задачи. Такова в первую очередь литература Н. В. Гоголя.

Можно сказать, что за недавнее время произошел «гоголевский взрыв». Причем произошел он стихийно, никем не направленный, но он вовсе не случаен. Н. В. Гоголь оказался надобен нам сегодня, особо необходимым, в нем, может быть, каждому по-своему открылся мир творческого развития.

Гоголь первым произнес совершенно новое для литературы своего времени слово «многолюдство», определив новое измерение жизни людей среди толпы с ее слепотой и глухотой, с ее несообразностью по масштабам с единой живой человеческой душой. «Многолюдство», толпа — физическое объединение людей без внутреннего, духовного единства — вот проблема! Толпа несет в себе стихию разорванного иррационального сознания, ее механизм сложен: слух, слепота, паника, сенсация, ритуальное возбуждение, кумир, ее содержание — бездушное разобщенности, «отдельности» людей, как писал Гоголь, ее проклятие — одиночество: полное, тупое, тотальное.

Иррациональность явления, его невидимость никак не могли быть выражены через факт. Образ отдельности людей воплотился во всей логике повести, вплоть до буквального отделения от лица собственного носа. Здесь источник темперамент Гоголя раскаляет художественную матерью до критических температур. Энергия творческой мысли, подобно плазме в синхрофазотроне, «разгоняет» живую основу реальных событий до абсолютного предела. Расщепляется факт, точно какой-нибудь атом, и «высвобождается» огромная художественная энергия, которая способна взорвать самые закосные че-

ловеческие представления, проникнуть в любые глубины, постичь не только явное, но и тайное, не только открытое факту, но и скрытое от него. Тут жизнь представлена как бы в разрезе, и мы можем изучать анатомию души или бездушия, патологические изменения духовности. И только самое полное, самое глубокое понимание человека, с безжалостным знанием его пороков, становится у Гоголя основой его любви к людям.

Любовь Гоголя милосердна, в ней есть материнство. Всяк человек для Гоголя в конечном итоге «брат человеческий»: и мелкий переписчик, и художник, и умалишенный, и чиновник, если они страдают от одиночества и человеческой разобщенности. В Гоголе потрясает не простая констатация факта «отдельности» людей, а мука оттого, что именно братья «отдельны!» Эта «отдельность» тогда и страшна, когда она рассматривается с точки зрения человеческого братства, любви и прощения страдания. Прошаает Гоголь не только Акакия Акакиевича — самого несчастного человека во всей мировой литературе, но прощен и Поприцин, и даже майор Ковалев. Как замечательно почувствовал Дмитрий Дмитриевич Шостакович в опере «Нос» страдательность фигуры Ковалева, глубокое сочувствие автора к его одиночеству! Ковалев превращается у Шостаковича даже в трагическую фигуру.

П РОБЛЕМЫ экранизации часто содержат реальный путь влияния кинематографа на литературу. Решая конкретные задачи, мы все вынуждены были искать и находить новые творческие решения в кино. Так, после долгих поисков возникло «засеркальное пространство» в квартире Ковалева, которое дало возможность именно увидеть, как изображение майора в зеркале вдруг разошлось с ним в синхронности движений и потом вообще покинуло его. Возник и Нос, который посмеялся над своим хозяином и скрылся, а Ковалев остался без носа. Если литература, обращаясь к читателю, говорит ему: «Представляешь?», то кино может сказать зрителю только одно: «Видишь?». Зритель сам видел в зеркале, как от Ковалева ушло его изображение, и начинал постигать новую художественную кинореальность.

Задачи вставали одна за другой. И одна из главных — сохранение гоголе-

ского комментария к событиям. Решения требовал и сам Нос, которого то видели в соборе, то приносили в кармане. Стало ясно, что не сам нос — гипербола, гипербола лишь то, что он стал статским советником, гипербола его превращения: нос в хлебе, узелок, генерал, снова нос... Но его исчезновение — вот что было главным. Нос стал катализатором по отношению ко всем главным персонажам фильма — отношение людей к пропаже у Ковалева носа резко раскрывает перед зрителем всю подноготную их характеров.

Когда вышла «Шинель» Алексея Баталова, она почти не демонстрировалась в прокате. Нас вместе с режиссером вяло «полагали» в прессе, и на этом жизнь фильма на первом этапе закончилась. Но через 10 лет картина снова вернулась на экран, прошла по телевидению.

И я думаю, что дело было в Гоголе, в том, что он только начал по-настоящему осваиваться кинозрителем, в том, что в нем все обращено в будущее; в будущей возможности кинематографа и зрителя. Не знаю, сколько лет понадобится снятому мною «Носу», может быть, он так и останется неопознанным летающим объектом на горизонте нашего кино, но уверен в одном: то, что предложил гений Гоголя литературе, театру, читателю и зрителю, а сегодня и кинематографу, все более реализуется как огромная духовно-художественная программа, в которой нас ожидают самые большие открытия.

Гоголевский «полный взгляд на вещи», который он так страстно предлагал разделить В. Г. Белинскому, гоголевский гуманизм, его исполненный подвиг — призыв сохранить любовь к брату своему, несмотря на призрачность и дьявольскую немислимость реальности этого братства в мире, где всяк отделен, живая художественная ткань его произведений, где золотая россыпь самородков нераздельна с живой породой, с беспощадным знанием человека и материнским его прощением за страдание, — это великое наследие. Тут, думается, лежит гоголевская тайна. Может быть, и тайны-то нет никакой? Может быть, только со временем распрямится его фигура во весь свой рост, только в будущем сможет быть реализовано гоголевское наследие во всей полноте.